

A man and a woman in Venetian masks. The man on the left has dark hair, a beard, and tattoos on his chest and arm. He wears a black mask with silver filigree and a black jacket. The woman on the right has blonde hair and wears a black mask with gold filigree and a black dress with gold lace. They are both looking towards the camera.

Екатерина Зуева

Кэтрин и Меркурио

18+

Екатерина Зуева

Кэтрин и Меркурио

«Автор»

2026

Зуева Е.

Кэтрин и Меркурио / Е. Зуева — «Автор», 2026

22-летняя Кэтрин Данс отчаянно нуждается в деньгах на лечение больного парня Эдварда. Подменяя подругу на ночной смене в дорогом отеле, она случайно попадает в криминальную разборку. В номере 815 её принимают за девушку по вызову Дженифер. Вместо того чтобы признаться в ошибке, Кэтрин в страхе соглашается участвовать в опасных делах — передавать посылки, произносить пароли и работать официанткой в закрытом клубе. Но истинная опасность страшнее, чем бандитские разборки. Меркурио Родригес — правая рука босса — не просто жестокий преступник. Он вампир, голодный и одержимый. Запах крови Кэтрин сводит его с ума, он проникает в её дом, угрожает, но одновременно испытывает к ней жгучее влечение. Она — «Клеопатра», он — «Цезарь». Игра начинается. Сможет ли Кэтрин сохранить рассудок и жизнь в мире хищников? И что произойдёт, когда Меркурио узнает о существовании Эдварда? Ночь в отеле перевернула её жизнь, и обратной дороги уже нет.

© Зуева Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Екатерина Зуева

Кэтрин и Меркурио

Глава 1

-----Первая встреча.-----

4 июня 2025 года, 3:17 ночи

Отель «The Royal Palms»

...Тишина, наконец-то, сползла по коридору, как тяжелое одеяло. Мисс Крэнстон, моя личная ночная фурия, перестала жаловаться на шаги за дверью (которых, естественно, не было) и уснула так внезапно, что я на секунду испугалась — не остановилось ли её больное сердце. Нет, дышала она ровно, даже похрапывала.

Я выдохнула впервые за четыре часа.

Уборная для персонала пахла хлоркой и дешёвым освежителем воздуха. Я встала перед зеркалом и не узнала себя. *Кетрин Данс, 22 года, бездомная студентка, бросившая колледж из-за нехватки денег, работница забегаловки «Morning Glory», где платят копейки, а теперь ещё и ночная портье в отеле для богатых придурков.* На мне была форма Дженифер — дурацкий синий пиджак с эмблемой пальмы, юбка выше колена (я бы никогда такое не надела!) и эти туфли, натирающие ноги.

Я провела рукой по волосам, собранным в строгий пучок. Дженифер просила оставить пару прядей — «так сексуальнее, постояльцы лучше чаевые оставляют». Я же ненавидела эту показную небрежность. Мой стиль — джинсы с дырками на коленях, старые кеды и худи с капюшоном, за которым можно спрятаться от всего мира. А тут — красная помада, которую я чувствую на губах, как чужую кожу.

Эдвард, — подумала я, глядя на свои накрашенные губы. — *Ты бы меня сейчас не узнал.*

Мысль о нём кольнула где-то под рёбрами. Эдвард Колинз, мой парень, который лежит где-то в чужой больнице (он не сказал в какой, сказал, что это не важно), и врачи дают ему крошечный шанс. Дорогое лечение. Очень дорогое. Я отправила ему уже почти три тысячи за последние два месяца. Мы не виделись полгода. Он запретил приезжать — «выгляжу ужасно, не хочу тебя пугать». Я верила. Конечно, верила. Потому что иначе... иначе пришлось бы признать, что меня дурят. А это было бы слишком больно.

Дженифер говорила: «Кэт, это стрёмно. Почему он не хочет твоей поддержки? Если б я болела, я бы хотела, чтобы ты сидела у моей постели». Но Дженифер просто не понимала. Она никогда так не любила.

Я вздохнула, поправила узел на поясе и вышла в коридор. До конца смены — пять часов. Пять часов тишины, и можно будет свалить в свою конуру в Южном Централье, снять эти проклятые туфли и рухнуть лицом в подушку.

Но тишине было не суждено случиться.

Телефон на ресепшене зазвонил, и звук показался оглушительным среди ночной вакуумной тишины отеля.

— «Royal Palms», портье, слушаю вас, — сказала я, стараясь говорить мягко, как учила Дженифер.

Мужской голос. Низкий, спокойный, даже слишком спокойный. Как у человека, который привык, чтобы его слушались с первого слова.

— Поднимитесь в номер 815. Нам нужно срочно поговорить.

— Простите, могу я узнать, по какому вопросу? Или, может быть, вы могли бы спуститься на ресепшен...

— Я сказал — поднимитесь. — Короткие гудки.

Я тупо уставилась на трубку. Восьмой этаж. Президентский люкс. Там всегда одни и те же люди — какие-то серьёзные гости, которые заселяются на месяц и не позволяют горничным трогать свои вещи. Дженифер предупреждала: «С ними лучше не спорить. Они хорошо платят, но лучше просто делать, что просят, и уходить».

В груди шевельнулось неприятное предчувствие. Но я не Дженифер, я не знаю этих правил. И всё же... я пошла.

Служебный лифт поднимался медленно, назло. Я смотрела на своё отражение в полированной стали — чужое лицо с красными губами. *Ты справишься, Кэт. Просто выслушай, что им нужно, и уйди.*

Двери открылись, и меня встретила тишина. Не такая, как внизу. Эта была... плотной. Липкой. Коридор восьмого этажа тонул в густом сумраке — горел только один бра в дальней части, и его света едва хватало, чтобы различить две массивные двери.

Ни звука. Ни шагов. Ни дыхания за дверьми.

Я постучала.

— Входи, — раздалось изнутри.

Голос — другой, не тот, что звонил. Этот был глубже, с хрипотцой.

Дверь открылась беззвучно, и я шагнула в полумрак.

Номер пах дорогим деревом, табаком и чем-то ещё — металлическим, холодным. Камин горел в углу, и его пламя плясало на стенах, выхватывая из темноты тяжелые шторы, пустые кресла, низкий столик с бутылкой.

У камина, спиной ко мне, стоял мужчина. Чернокожий, короткая стрижка, дорогой костюм, который даже в полумраке поблёскивал тканью. В ушах серьги — две, маленькие, но я их заметила. Он стоял абсолютно неподвижно. Слишком неподвижно. Как статуя.

— Доброй ночи, — голос у меня дрогнул, хотя я пыталась этого не показывать. — Вы звонили на ресепшен. Я хотела спросить, может быть, вам что-то нужно? Я звонила в номер, но вы не взяли трубку.

Он повернулся.

И в этот момент я увидела его глаза. Они блеснули в отблесках камина — янтарным, звериным блеском. *Или показалось?* В лицо я не смотрела — я смотрела в эти глаза, и в животе похолодело.

— Присядьте, — сказал он, указывая на кресло напротив камина. Кресло стояло так, что спинка оказывалась к двери — ловушка.

— Извините, я сегодня дежурю одна и не могу надолго уходить с рабочего места. Вам что-то нужно?

— Ему нужно, — раздался голос справа, и я вздрогнула, — чтобы ты присела в кресло, Дженифер, и помолчала немного.

Я повернула голову. Силуэт. Только силуэт в глубоком кресле у стены — нога на ногу, голова чуть наклонена. Лица не видно, только смуглая рука на подлокотнике, с тонкими пальцами. И тишина, которую он разорвал своим голосом.

— Но я не... — начала было я.

— Я же просил помолчать, — сказал он. Чуть громче. Но в этой фразе было столько спокойной, абсолютной власти, что слова застряли в горле.

Чёрт.

Я замолчала. Села в кресло. Спина прямая, ладони на подлокотниках, пальцы вцепились в мягкую обивку так, что побелели.

Тишина длилась пять минут. А может, десять. Или час. Я перестала чувствовать время.

Пламя в камине лизало поленья. Чернокожий мужчина у камина не двигался. Тот, второй — справа — тоже. Казалось, они просто наблюдают. Изучают. Оценивают.

А потом чернокожий исчез.

Я не услышала шагов. Просто повернула голову — и его не было. Пустое место у камина. Пламя продолжало плясать, будто ничего не случилось.

По спине побежали мурашки.

— Итак, Дженифер, детка, — голос справа зазвучал спокойно, даже почти ласково. — Нам нужна ещё доставка. Ты сможешь на этой неделе?

Я молчала. Сердце колотилось где-то в горле.

— Нашему мистеру Икс... — он сделал ударение на последнем слове, и в этом «мистере Икс» прозвучало что-то такое, отчего захотелось вжаться в кресло и исчезнуть. — ...нужно ещё. И немедленно. Ты говорила, что у тебя есть подруга, которая работает в кафе. Я думаю, она подойдёт. Молодая, красивая — по твоим словам. Нашему господину подойдёт. Хочу, чтобы ты привела её через два дня. Сможешь?

Доставка. Подруга. Господин.

Мир вдруг стал очень маленьким и очень страшным.

Дженифер, чёрт тебя дери, во что ты меня впутала? Ты приводишь к ним девушек? «Для развлечения»?

Я хотела закричать. Сказать: «Я не Дженифер, вы ошиблись, я сейчас уйду и ничего никому не скажу». Но рот не слушался. Губы с этой проклятой красной помадой сами собой сложились в улыбку.

— Хорошо, я всё сделаю, — услышала я свой голос. И не узнала его. Он был чужим. Слишком спокойным. Слишком правильным.

Он встал.

Я наконец увидела его лицо. Латиноамериканец. Смуглая кожа, чёрные волосы, зачёсанные назад, виски выбриты. Усы и небольшая борода — ухоженные, как у модели из глянца. Одет во всё чёрное: брюки, водолазка, длинное пальто до колен. Идеально. Дорого. И совершенно безжалостно.

Он подошёл ко мне, и я почувствовала запах — дорогой парфюм, смешанный с чем-то острым, пряным.

— Умница, детка, — он улыбнулся, обнажив идеальную голливудскую улыбку. Белоснежные зубы в полумраке казались неестественно яркими. — Мне приятно с тобой иметь дело.

Он наклонился чуть ближе, и я увидела его глаза — карие, почти чёрные, без единого блика. Холодные, как у акулы.

— И ещё кое-что, — голос упал до шёпота, интимного, опасного. — Эту посылку надо будет передать в кафе. Когда будешь там на смене. Человек придёт вечером, скажет фразу: «Вы не могли бы мне подать красный соус?» А ты должна будешь ответить: «В лучшей упаковке». Поняла?

Красный соус. Лучшая упаковка. Это какой-то дурацкий шпионский фильм.

— Да, конечно, — сказала я. И повторила, потому что он смотрел выжидающе.

— Мужчина спросит: «Вы не могли бы мне подать красный соус?»

— А ты что ответишь?

— «В лучшей упаковке».

— Молодец, — он провёл пальцем по воздуху, будто хотел погладить меня по щеке, но не прикоснулся. — Мы сработаемся с тобой, Дженифер. Мне твоя сменщица Лизи сказала, что тебе нужны деньги на лечение матери. Я думаю, ты сможешь держать язык за зубами о наших с тобой делах. Или ты сама знаешь, что я с тобой сделаю.

Он не спеша достал из-за пояса пистолет.

Я не знала, что пистолеты бывают такими маленькими и такими страшными одновременно. Чёрный, с глушителем — я только в кино такие видела. Он покрутил его в руке, как игрушку, и моё сердце пропустило удар.

Боже. Боже, пожалуйста.

Внутри всё похолодело. Я смотрела на этот пистолет, и единственной мыслью было: «Дженифер, зачем ты меня сюда позвала? Почему не сказала? Если бы я знала, я бы ни за что...»

Он убрал оружие так же спокойно, как достал. Всё на свои места, как будто это привычное движение.

— Это задаток, — он вытащил из кармана пальто толстый конверт из крафтовой бумаги. — Как раз хватит кое на какие лекарства маме. Остальное потом.

Конверт повис в воздухе. Я смотрела на него, как заворожённая.

Лекарства маме. У меня нет мамы. Точнее, она есть, но живёт в другом штате и не болеет. Дженифер, что ты наврала этому человеку? И зачем?

Но рука потянулась сама. Я взяла конверт. Он был тёплым от его рук. И тяжёлым.

— Можешь идти, Дженифер.

Я встала. Ноги не слушались — как будто на каждой по гире. Сделала шаг к выходу, второй. Третий.

— Дженифер.

Голос остановил меня у самой двери.

Я услышала шаги — мягкие, быстрые. Он оказался рядом раньше, чем я успела повернуть голову.

Рука легла на плечо. Тяжёлая. Властная. Развернула меня к себе.

— Посылка, — сказал он, и в голосе зазвучала лёгкая насмешка. — Не забудь пароль.

Я смотрела в его глаза. Вблизи они оказались ещё страшнее — глубокие, чёрные, с мелкими искрами где-то на дне. Он протянул мне коробку — обычную, картонную, перевязанную бечёвкой. Ничего особенного.

Я взялась за неё. Он не отпускал.

Его пальцы сжались поверх моих, и я увидела татуировку на его запястье — какую-то руну, сложную, с острыми углами. Она выделялась на смуглой коже чёрным, свежим цветом.

Он смотрел на меня. Сверху вниз. Улыбался одним уголком рта. Надменно. Оценивающе. Как вещь.

— А ты ничего, — протянул он медленно, и его взгляд прошёлся по мне — от лица до туфлей и обратно. — Выглядишь потрясно.

Кровь прилила к щекам. Не от смущения — от животного, первобытного страха, смешанного с отвращением.

Он резко отпустил коробку. Я чуть не выронила.

— Ещё увидимся, — бросил он, развернулся спиной и рухнул в кресло, где недавно сидела я. Устроился с видом хозяина. — Иди.

Я вылетела в коридор, как пробка из шампанского.

Дверь за мной закрылась сама — или он закрыл? Я не оборачивалась.

В одной руке — коробка. В другой — конверт с деньгами. Я бежала по коридору, и туфли стучали по ковровой дорожке глухо, как удары сердца.

Что это было?! Во что я влезла?!

Лифт открылся сразу, будто ждал меня. Я влетела внутрь, нажала кнопку первого этажа и прижалась спиной к холодной стене.

Только сейчас поняла, что дрожу. Руки тряслись так сильно, что коробка стучала о конверт.

Что в коробке? Деньги? Наркотики? Оружие

Я смотрела на бечёвку и понимала — открыть сейчас страшно. Очень страшно.

Дженифер, ты мне всё объяснишь. Всё-всё-всё.

Лифт остановился. Двери открылись в пустой холл. Я вышла на ватных ногах, вернулась на ресепшен, убрала конверт в сумку (она лежала под стойкой), коробку засунула в шкаф для забытых вещей. Села на стул и уставилась в одну точку.

До конца смены — четыре часа. Четыре часа сидеть, улыбаться, если кто-то подойдёт, и думать о том, что я только что согласилась привести к бандитам свою подругу. Которой на самом деле не существует. Потому что я и есть та самая подруга.

Господи, Кетрин, что ты наделала.

Я закрыла лицо руками и сидела так, пока не пришла Лизи — сменщица Дженифер, жизнерадостная брюнетка с вечно жевательной резинкой во рту.

— О, привет, подруга! Дженифер сказала, что ты меняешь её. — она захлопала ресницами.

— Да, — сказала я. — Всё нормально. Постояльцы не жаловались.

Я сдала смену за две минуты, схватила сумку и коробку и вылетела на улицу.

Ночной Лос-Анджелес встретил меня тёплым ветром и далёкими сиренами. Я села в свой старенький «Форд», положила коробку на пассажирское сиденье и просто сидела, глядя на неоновую вывеску отеля.

Домой. Спать. Завтра поговорю с Дженифер.

Но я знала, что не усну.

И знала, что завтра будет хуже.

Той же ночью. Номер 815, отель «The Royal Palms»

Дверь за девчонкой закрылась с мягким, почти неслышным щелчком. Тишина вернулась в номер, но теперь она была другой — живой, пульсирующей.

Чернокожий мужчина возник у камина так же бесшумно, как и исчез. Словно соткался из дыма. Он опустился на корточки, взял с подставки кочергу и рассеянно пошевелил поленья. Искры взлетели вверх, на секунду осветив его лицо — высокие скулы, тяжёлые веки, полные губы, сложенные в задумчивую усмешку.

— Это была не Дженифер, — сказал он, не оборачиваясь. Голос низкий, спокойный, но с той вибрацией в горле, которая выдаёт хищника, взявшего след. — Девчонка с её второй работы. Ты слышал, как колотилось её сердце?

Меркурио Родригес сидел в кресле, всё так же положив ногу на ногу. В полумраке его чёрные глаза блестели влажно — как у пса, который учуял мясо.

— Слышал, — ответил он и облизнул губы. — Мне пришлось уйти, босс. Не то я бы... — он сделал паузу, и в ней прозвучало всё. — Набросился бы на неё. Прямо там. На полу. А нам проблемы не нужны. Я еле сдержался.

Он сжал подлокотник кресла так, что побелели костяшки пальцев.

— Родригес, — Рафаэль Дюран наконец повернул голову, и в его глазах отразилось пламя камина — янтарное, живое, опасное. — Ты меня слышишь?

— Да, босс. Я вас слышу. — Меркурио встал, одёрнул чёрную водолазку. — Она хорошо отыграла роль. Дрожала, бледнела, но не сломалась. Интересно, о чём она думала? Что мы потом не узнаем, как выглядит настоящая Дженифер?

Он сделал шаг к камину и остановился, глядя на огонь.

— Что будем с ней делать, босс?

Рафаэль усмехнулся. Медленно, неспешно поднялся с корточек, поставил кочергу на место — металлический звон прокатился по комнате, как удар колокола.

— А я смотрю, она тебе приглянулась?

Меркурио повернулся к нему. Улыбнулся своей любимой улыбкой — той самой, которую он приберегал для особенных случаев. Один уголок губ ползёт вверх, глаза сужаются, и весь он становится похож на кота, который дорвался до сметаны.

— Вы всё видите, босс, — сказал он. — Вы же знаете мой вкус. Блондинки. А она блондинка. Я бы хотел посмотреть на неё без одежды.

Он рассмеялся — тихо, горлом, и в этом смехе не было ничего весёлого.

Рафаэль покачал головой.

— Меркурио Родригес, как всегда в своём репертуаре. — Он подошёл к бару, налил себе виски в тяжёлый стакан. Лёд звякнул о стекло. — Её мне обещала Дженифер, помнишь? «Красивая подруга, скромная, неболтливая, нужны деньги». Я согласился, потому что нам нужны свежие лица.

Он сделал глоток, не отрывая глаз от пламени.

— Но если ты так её хочешь, могу уступить.

Меркурио замер.

— Правда, босс?

— С условием, — Рафаэль поставил стакан на барную стойку, и звук показался оглушительным. — Сначала сходи к ней домой. Узнай, чем дышит, чем живёт, кто родные. Нет ли хвоста, нет ли копов за плечами. Сходи в кафе, проследи, чтобы посылку отдали адресату. Тихо. Чисто. Без глупостей.

Он повернулся к Меркурио, и в его взгляде не было и тени улыбки.

— И тогда я её немного выпью. Убивать не буду, не бойся. Заберёшь себе.

Меркурио выдохнул — медленно, с наслаждением. Как человек, который только что получил разрешение на то, о чём мечтал всю ночь.

— Вы очень щедры, босс. — Его голос дрогнул от почти неприличного удовольствия. — Я хочу её себе. Мне понравилось, как она боялась. Как бешено билось её сердце. Это так завело меня... — он провёл рукой по лицу, словно пытался стереть с губ оскал. — Я не могу не думать об этом.

— Успокойся, Меркурио, — сказал Рафаэль, беря стакан. — Сейчас не время.

— Как скажете, босс.

Меркурио кивнул, развернулся на каблуках и ушёл в другую комнату. Дверь закрылась за ним. Через секунду оттуда донёсся приглушённый голос — он кому-то звонил.

Рафаэль Дюран остался у камина один.

Он поднял стакан к свету, разглядывая янтарную жидкость, и тихо сказал сам себе:

— Дженифер, Дженифер... что же ты нам привела?

Он улыбнулся. И в этой улыбке не было ничего человеческого.

5 июня 2025 года, 16:00

Квартира Кетрин, Южный Централ

Телефон зазвонил так внезапно, что я подскочила на кровати, зацепилась ногой за простыню и едва не грохнулась на пол. Четыре часа дня. Я проспала почти семь часов — не удивительно после такой ночи.

Экран светился: «ДЖЕНИФЕР».

Я схватила трубку и не дала ей сказать ни слова.

— Джен, ты подставила меня! — голос сорвался на крик, но мне было плевать. — Что это были за постояльцы в 815 номере?! Что за дела ты с ними ведёшь?! Что за посылка и деньги?! Какую подругу ты должна привести?!

Слова лились потоком, я не могла остановиться. Страх, накопленный за ночь, выплёскивался наружу вместе с этими вопросами, и я чувствовала, как дрожат руки.

— Воу, воу, воу! — Дженифер на том конце провода звучала устало, но привычно бодро. — Тише, Кэт, солнце, притормози! Я не спала всю ночь, у дочери температура под сорок, не могла сбить. Мы сейчас в больнице.

Мой гнев споткнулся.

— Что? Зои в порядке?

— Наконец-то температура спала. Зои сейчас спит, и у меня есть пять минут, пока медсестра не пришла. Давай по порядку. Рассказывай.

Я выдохнула. Села на край кровати, подтянула колени к груди и рассказала всё. Про пистолет. Про коробку. Про конверт. Про то, как Меркурио меня разглядывал, и как у меня похолодело внутри, когда он положил руку на плечо.

Дженифер слушала молча. А потом сказала:

— Успокойся, это не то, что ты себе напридумывала. Коробка — дорогие сигары с Кубы. Деньги я попросила — пришлось немного приврать про маму, сори, но зато дали сразу.

— Приврать? Джен, у тебя мама жива и здорова, если он узнает...

— Не узнает. Я подрабатываю ещё в закрытом клубе официанткой, — перебила она. — И девочку, то есть тебя, я хотела привести в качестве моей напарницы. Там ничего такого, Кэт. Честно. Просто все с анонимными именами. Кто-то изменяет жене или мужу, кто-то балуется запрещённым, все в масках — лиц не видно. В том числе и у нас, девочек. Мы ничего не рассказываем о том, что там творится. И нам за это платят деньги. Большие деньги. Как в этом конверте.

Я посмотрела на конверт, который всё ещё лежал на столе. Не распечатанный.

— А пистолет? — спросила я тихо.

— Пистолет? — Дженифер усмехнулась, но в её голосе промелькнуло что-то неуверенное. — Это наверное просто показуха. Предупреждение, чтобы молчала. Не более. Убивать нас никто не будет, не переживай. Всё будет хорошо.

Я хотела ей верить. Очень хотела.

— А когда эти встречи проходят?

— По субботам. От заката до рассвета. И деньги сразу отдают. Ну что, согласна поработать?

Я закрыла глаза.

— А у меня есть выбор? Мне нужны деньги. И эти двое видели моё лицо.

Пауза. Дженифер вздохнула.

— Слушай... а они тебя знают в лицо, Джен? — спросила я.

— Конечно. Мистер Рафаэль Дюран — это который чернокожий — знает меня в лицо лично. Как ты уже поняла, это он меня нанял. И он же проводит эти вечера. Это его бизнес.

— А второй, с пистолетом? Он показался мне... немного озабоченным. Он так жадно меня рассматривал, только слюна не текла.

— А это наверное Меркурио Родригес, — голос Дженифер стал тише. — Он его правая рука. С ним я ещё не встречалась лично, только слышала о нём. Говорят, он... специфический.

— Повезло тебе. Жуткий тип, — сказала я, вспоминая его чёрные глаза и идеальную улыбку, которая не согревала, а пугала.

— Кэт, у меня будет ещё одна просьба, — Дженифер заговорила быстрее. — Отдашь посылку адресату. Я завтра не приду на смену, за меня будет работать Салли. Зои неизвестно, когда выздоровеет, а муж приезжает из командировки только на следующей неделе.

Я молчала несколько секунд. Потом сказала:

— Хорошо. Пусть Зои выздоравливает. А что мне делать с конвертом?

— Можешь забрать себе, как задаток, — голос Дженифер потеплел. — Эти деньги предназначались тебе.

— Что? Как это? — я вскочила с кровати. — Джен, ты засранка! Ты всё спланировала заранее!

На другом конце провода раздался смех — усталый, но довольный.

— Раскусила меня, блондиночка! Ну вот и хорошо. Давай, мне пора.

— Джен, стой!

Но она уже бросила трубку.

Я уставилась на телефон, потом на конверт. Разорвала его дрожащими пальцами.

И замерла.

Двадцатки, полтинники, сотни. Аккуратные пачки, перетянутые бумажными ленточками. Я пересчитала. Пересчитала ещё раз.

Десять тысяч долларов.

У меня перехватило дыхание. Я такие деньги и за 6 месяцев с трудом бы заработала в нашем кафе, где чаевые — это если повезёт.

Десять тысяч.

На лекарства Эдварду.

Я села на пол, прижав конверт к груди, и разревелась. И сама не поняла — от страха или от надежды.

****6 июня 2025 года***Кафе «Morning Glory Diner»****

Остаток дня и следующая ночь прошли без приключений. Я выспалась, сходила в прачечную, даже приготовила нормальный ужин, а не доширак. Впервые за долгое время я чувствовала себя почти спокойно.

Почти.

Коробка с «сигарами» лежала под кроватью, и я то и дело поглядывала на неё, как на заснувшую змею.

Наступила моя смена. Сутки в кафе — обычная рутина: кофе, завтраки, улыбки, грязные тарелки, жирный воздух, бесконечные «повторите, пожалуйста, заказ». К вечеру я уже забыла про посылку. Решила, что адресат не придёт. Что всё как-то рассосётся.

Глупая.

Колокольчик над дверью прозвенел около девяти вечера. Я стояла за стойкой, протирала чашки и даже не подняла головы.

— Присаживайтесь куда хотите, — сказала я автоматически. — Сейчас подойду.

Посетитель прошёл в зал. Шаги — мягкие, почти беззвучные. Я краем глаза заметила тёмный силуэт, который опустился за столик у окна — ко мне спиной. Чёрная одежда, на голове модная шляпа, как у знаменитого певца.

Я дотерла чашку, поставила её на место, вздохнула и пошла к нему, держа наготове блокнот и ручку.

— Добрый вечер, что будете заказывать?

Он не поднял голову.

— «Вы не могли бы мне подать красный соус?»

Мир остановился.

Я узнала этот голос. Низкий, с хрипотцой. Спокойный, властный, с той опасной ноткой, от которой по коже бегут мурашки.

Тот самый голос. Из номера 815. Голос человека с пистолетом.

Моё сердце пропустило удар, а потом забилось где-то в горле — быстро, панически. Я сглотнула, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— «В лучшей упаковке», — сказала я. Получилось тише, чем хотелось.

Он медленно поднял голову.

Чёрные глаза. Острейшие скулы. Идеальная борода. И улыбка — одним уголком губ, надменная, хищная.

Меркурио Родригес.

— О да, — сказал он, и его глаза прошли по моему лицу, задержались на губах, опустились ниже. — Умница. Запомнила. Присядь.

Он указал на стул напротив себя.

— Но я... но посылка...

— Я сказал — присядь, — голос стал чуть громче, и в нём зазвучал металл. — Посылка подождёт.

Я села. Потому что ноги меня не держали. Потому что смотреть в его чёрные глаза и отказывать было невозможно — как пытаться остановить поезд голыми руками.

Он снял шляпу и положил её справа от себя на стол. Теперь я видела его всего — чёрная рубашка с закатанными рукавами, открывающими татуировки на предплечьях, чёрные брюки, туфли из мягкой кожи без единой пылинки.

— А ты молодец, — сказал он, и в его голосе прозвучало что-то вроде уважения. — Прошла проверку. Так сыграла Дженифер. Умница.

Он чуть наклонился вперёд, и я почувствовала запах — дорогой парфюм с пряной горчинкой. Что-то восточное, тяжёлое, дурманящее.

Он втянул носом воздух.

— Приятно пахнешь, — произнёс он, и его взгляд снова поднялся к моим глазам.

Я смотрела в его чёрные зрачки. И в какой-то момент... мне показалось, что они стали красными.

На секунду.

Яркая вспышка багрового — будто огонь зажёгся где-то глубоко внутри его зрачков.

А потом всё прошло. Снова чёрные. Обычные. Человеческие.

Показалось. Конечно, показалось. Недосып, стресс, кофе на голодный желудок.

Он не сводил с меня глаз. Ни на секунду. Смотрел так, будто читал что-то у меня в душе. И на его губах всё ещё играла эта его полуулыбка — спокойная, властная, собственническая.

Я заёрзала на месте. Краска прилила к щекам. Сердце колотилось так, что, наверное, было слышно в соседнем квартале.

— Извините, мне нужно работать. — Я попыталась встать. — Сейчас я принесу посылку.

— Сиди. — Его рука легла на стол рядом с моей. Не касаясь, но так близко, что я чувствовала тепло его пальцев. — И успокойся ты. Не нервничай.

Он наклонился чуть ближе, и я увидела, как расширились его зрачки.

— Твой стук сердца сводит с ума.

У меня перехватило дыхание.

— Что? Стук сердца? — я попыталась усмехнуться, но получился какой-то сдавленный выдох. — Как вы можете его слышать?

Он улыбнулся шире. И в этой улыбке появилось что-то новое — не опасное, нет. Заинтересованное. Изучающее.

— У меня очень хороший слух. — Он откинулся на спинку стула, но глаз не отвёл. — Сиди. Я сам принесу посылку.

Не дожидаясь моего ответа, он встал. Я смотрела, как он идёт за стойку, как открывает шкафчик (тот самый, где я спрятала коробку), как достаёт её — легко, будто знал с самого начала, где она лежит.

Его никто не остановил. Посетители не обращали внимания. Салли что-то мыла на кухне и не видела.

Он двигался... странно. Бесшумно. Плавно. Как хищник. Как большая кошка — пантера во всём чёрном.

Он шёл обратно, и я поймала себя на том, что не могу оторвать от него глаз. Смотрела на широкие плечи, на то, как играют мышцы под тканью рубашки, на уверенную, скользящую походку.

Он заметил мой взгляд.

Улыбнулся.

Понял.

— Нравится смотреть? — спросил он, ставя коробку на стол. Я вспыхнула как спичка.

— Нет. Я просто... — слова закончились. Потому что врать ему было бесполезно — он всё видел.

Он сел напротив, и его чёрные глаза снова поймали мои.

— Ты даже не представляешь, Кетрин, — сказал он тихо, и от того, как он произнёс моё имя, у меня мурашки побежали по всему телу, — во что ты ввязалась

.Он знает моё имя.

Мы не представлялись.

Откуда он знает моё имя?

Холодная волна страха накрыла меня с головой. И в этой волне, как ни странно, была не только паника. Было ещё что-то. Острое, запретное, пугающе притягательное.

Я не знала, что делать.

Я знала только одно: убежать от этого человека я не смогу.

Даже если очень захочу.

Он сел на своё место — напротив меня — и поставил коробку передо мной. Прямо на грязную скатерть в пятнах от кофе и кетчупа. Дорогая крафтовая упаковка смотрелась здесь так же чужеродно, как он сам среди пластиковых столов и дешёвых салфеток.

— Открой, Кэтрин.

— Что? — голос у меня сел. Я сглотнула.

— Я думаю, у такой молодой и красивой девушки всё в порядке со слухом, — он улыбнулся, но глаза остались серьёзными. — Открой.

Мои пальцы дрожали, когда я дотянулась до бечёвки. Узел не поддавался — я дёрнула сильнее, чуть не порвав картон. Наконец лента соскользнула. Я подняла крышку.

Внутри, на чёрной бархатной подушке, лежал золотой бейдж. Настоящее золото — я никогда не держала в руках ничего подобного. Тяжёлый, тёплый металл, на котором было выгравировано одно слово:

****«КЛЕОПАТРА»****

Рядом — маленькая коробочка. Духи. Стекланный флакон тёмного стекла, без этикетки, только вензель на крышке.

— Это тебе, — сказал Меркурио, и в его голосе появилась нотка довольства. — Твой псевдоним в закрытом клубе. Я выбрал.

Я подняла на него глаза.

— Вы выбрали?

— Да. — Он не отводил взгляда. — Клеопатра. Подходит тебе. Царица, которая погубила двух великих мужчин. Только не губи меня, ладно? — Он усмехнулся, но в усмешке было что-то тёмное, предупреждающее.

Я молчала, разглядывая бейдж. Он был красивым. Пугающе красивым. Как всё, что связано с этим человеком.

— И духи, — продолжил он, кивая на коробочку. — Особенности. Такие только у наших девочек, которые работают официантками. Этот запах уникален, в магазине не купишь. В нём особенные травы. — Он помолчал, а потом добавил почти шёпотом: — Никто не перебьёт этот

аромат. Никто не подделает. Если я почую его на ком-то чужом... — он не закончил фразу. Просто улыбнулся.

У меня по спине побежали мурашки.

— Ого... спасибо, — выдавила я. Голос звучал чужо. Больше я не знала, что сказать. Его взгляд приковывал меня к месту, как кнопку «пауза» нажали. Бейдж из настоящего золота, — он кивнул на мою руку.

— Не потеряй.

Я зачем-то спросила. Сама не знаю, зачем. Наверное, нервы. Или дурацкое любопытство, которое всегда меня губило.

— А у вас какой псевдоним?

Тишина повисла между нами, густая, как сироп.

Он наклонился ближе. Медленно. Как пантера перед прыжком. Я почувствовала его дыхание на своей щеке — тёплое, с горьковатым запахом табака и мяты. Он втянул воздух ноздрями. Как хищник.

Я замерла.

— Любопытная, — протянул он, и в голосе зазвучало нечто опасное. — Заинтересовалась мной?

— Нет, что вы. Просто интересно. — Я отшатнулась, но стул упёрся в стену — некуда было отступить.

Он засмеялся — тихо, одним горлом.

— Опасные вопросы задаёшь, девочка. Эта анонимность не просто так придумана.

— Извините, я...

— Шшш. — Его палец коснулся моих губ. Лёгкое, мимолётное прикосновение, от которого по всему телу разлился жар. — Не нервничай. Может, я скажу тебе. Позже.

Он убрал руку и откинулся на спинку стула. Я выдохнула — и только сейчас поняла, что всё это время не дышала.

— Как тебе подарки? Конверт? — спросил он, кивая на мою сумку, где лежали десять тысяч.

— Я в шоке, — призналась я честно. — Я не могу ещё поверить.

— Такой шанс выпадает не многим, — сказал он и встал.

Я хотела подняться следом — ноги сами оттолкнулись от пола, — но он положил руку мне на плечо и мягко, но безжалостно усадил обратно.

— Сиди.

Потом он обошел стул и наклонился прямо к моему уху. Я чувствовала его губы — почти касаясь мочки, — и от этого у меня перехватило дыхание.

— Никому не болтай ни о чём, — прошептал он. Голос низкий, вязкий, как патока. — Ни о работе. Ни о нас с мистером Дюраном.

Он сделал паузу, и я услышала, как бьётся моё собственное сердце — гулко, предательски громко.

— А не то... — он не закончил. Просто отстранился ровно настолько, чтобы я увидела, как его рука скользит к поясу. Короткое движение. Взгляд вниз.

Я похолодела.

Я вспомнила тот пистолет в номере. Чёрный, с глушителем, который он крутил в пальцах, как игрушку.

— Я заеду за тобой в субботу в 18:00, — сказал он уже обычным голосом, будто только что не угрожал мне смертью. — Будь готова. Одежда для работы уже у тебя дома.

У меня пересохло во рту.

— Что? — только и смогла выдавить я.

Он усмехнулся, и вдруг его глаза блеснули — не карим, не чёрным, а каким-то другим, глубинным, тёмно-красным огнём. Секунда — и снова обычные.

— Прикольный у тебя рыжий кот, — сказал он, как о погоде. — Надо же было назвать его Ланселотом.

Моё сердце рухнуло куда-то в желудок.

Он был у меня дома.

— Я... — начала я, но он меня перебил.

— Я Цезарь, — сказал он. Замолчал. Наклонился так, что его лицо оказалось в полуметре от моего, и я видела каждую родинку на его смуглой коже, каждую чёрную ресницу. — Это мой псевдоним в клубе, — добавил он и отстранился.

Стоял надо мной, сканируя моё лицо холодным, оценивающим взглядом.

В горле пересохло. Язык будто примёрз к нёбу. *Он был у меня дома. Видел Ланселота. Знает, где я живу. Знает, как меня зовут. Знает всё.*

Как мне теперь из этого выпутаться?

— До субботы, Клеопатра, — он надел шляпу, кивнул, развернулся и пошёл к выходу.

Колокольчик над дверью прозвенел, как приговор.

Я сидела, глядя на пустой стул напротив. На коробку с золотым бейджем. На флакон духов, который пах даже закрытым — чем-то тяжёлым, цветочным и одновременно пряным, как кровь.

— Кэт? — Салли высунулась из кухни, вытирая руки о фартук. — Ты чего? Белая как мел. Тот мужик тебя обидел? Позвать кого?

Я помотала головой. Медленно, как заводная кукла. — Всё нормаль... — голос осел. Я прокашлялась.

— Всё нормально, Сал. Это знакомый. Просто... кофе с собой заказал. Салли с сомнением посмотрела на меня, но спорить не стала — ушла обратно на кухню, бормоча что-то про «странные типажи» и «время позднее».

Я осталась одна. Я смотрела на бейдж, и в голове крутилась одна мысль:

Он был у меня дома. Видел Ланселота. Знает, где я сплю. Знает, как пахнет моя подушка.

Как давно он за мной следит? А потом пришла следующая мысль — холодная, липкая:*

А что, если он там не один был? Что, если кто-то остался?*

Я схватила телефон. Набрала Дженифер.

Гудок. Два. Три. Четыре. Пять.

— Алло? — голос сонный, хриплый. — Кэт? Ты чё, что случилось?

— Джен, — я зашептала, потому что голос не слушался. — Он был у меня дома. Меркурио. Он знает про кота. Он знает, где я живу.

На том конце провода повисла тишина.

— ...Что? — Дженифер проснулась мгновенно. — Он что, следит за тобой? — Я не знаю. Но он сказал, что одежда уже у меня дома. Джен, он был внутри. Ключи у меня одной.

— Успокойся, — голос Дженифер стал жёстким, почти командирским. — Слушай меня. Прямо сейчас собирай вещи и вали к кому-нибудь на ночлег. У тебя есть подруга, которая может...

— Нет. У меня никого нет, кроме тебя. А ты в больнице с Зои.

Опять тишина.

— Я приеду, — сказала Дженифер. — Через час.

— Нет. Не надо. Твоя дочь важнее. Я... я просто закрою дверь на цепочку. Я справлюсь.

— Кэт...

— Джен, я серьёзно. — Я встала, сунула бейдж и духи в сумку, нашарила ключи. — Поговорим завтра. Всё будет хорошо.

Я повесила трубку, потому что не хотела, чтобы она слышала, как у меня дрожит голос. Колокольчик больше не звенел. За окном кафе была глубокая ночь, и в темноте Лос-Анджелеса я не могла отделаться от чувства, что за мной наблюдают.

Я подошла к окну.

Никого. Только припаркованный чёрный «Мерседес» на другой стороне улицы.

Тонированные стёкла. Заведённый мотор.

Я не знала, он это или нет.

Но когда я вышла из кафе через чёрный ход и побежала к своей машине, мне показалось, что «Мерседес» тронулся следом.

Я не оборачивалась.

Я просто молилась, чтобы этот кошмар закончился.

Но где-то глубоко внутри я знала: он только начинается.

****Дом Кетрин, Южный Централ****

Ключ повернулся в замке с металлическим щелчком, и я влетела в квартиру, как пуля. Задвинула цепочку. Проверила окна — закрыты. Задёрнула шторы. Села на пол, прислонившись спиной к входной двери, и просто сидела, хватая ртом воздух.

Ланселот — рыжий нахал, который считал себя королём этой однушки — вылез из-под дивана, понюхал мою ногу и требовательно мяукнул.

— Сейчас, Ланс, сейчас, — прошептала я, проводя рукой по его тёплой шерсти. — Только отойду.

Сердце постепенно успокаивалось. Стучало уже не в горле, а где положено — в груди. Я встала, прошлась по комнате. Ничего не тронута. Всё на своих местах. Никто не прятался в шкафу, под кроватью, за шторой в ванной.

Может, он просто смотрел снаружи? Увидел кота через окно?

Я хотела в это верить. Но в глубине души знала: он говорил так, будто стоял в этой комнате.

Я достала конверт из сумки. Десять тысяч долларов. Десять тысяч, от которых пахло кровью и угрозами.

И вдруг меня осенило.

Я могу отдать их. Прямо сейчас. Перевести Эдварду. И он сможет начать лечение. А я... я скажу Меркурио, что передумала. Что не хочу работать. Отдам бейдж. Откажусь.

Но вторая мысль пришла сразу за первой, холодная и трезвая: *Ему нельзя отказывать. Ты видела его глаза. Ты видела пистолет. Такие люди не принимают «нет».*

Я закрыла глаза.

Выхода не было. Но деньги Эдварду были нужны сейчас. Он не мог ждать.

Я взяла телефон, нашла контакт Эдварда. Палец завис над кнопкой вызова.

Мы не говорили уже три дня. Он сказал, что ему нужна тишина, что он очень слаб. Я уважала это. Я боялась услышать в его голосе смерть.

Я нажала «вызов».

Гудки пошли один за другим. Длинные, тяжёлые, как вздохи.

— Кэтрин, — голос Эдварда был слабее, чем раньше. Тихий, немного хриплый, но он улыбался — я слышала эту улыбку. — Дорогая, ты почему так поздно?

Я прижала телефон к уху и прикрыла глаза.

— Эдвард, — голос дрогнул. — У меня есть новости. Хорошие.

— Какие? — в его тоне мелькнула надежда. Такая хрупкая, что я испугалась — не разобьётся ли она от моих слов.

— Я... — я запнулась. — Мне помогли. Люди, с которыми я работаю. Дали аванс. Большой.

Молчание.

— Кэт... — он начал, но я перебила.

— Не спрашивай. Пожалуйста. Просто прими это. Это честные деньги. Я... я не делала ничего плохого. Просто оказалась в нужном месте в нужное время. И теперь у меня есть сумма. Достаточно, чтобы начать лечение. В трубке повисла тишина. Я слышала его дыхание — неровное, с каким-то присвистом.

— Сколько? — спросил он наконец.

— Десять тысяч.

Он выдохнул — такой долгий, дрожащий выдох, что у меня самой перехватило дыхание.

— Кэтрин. — Голос его изменился. Стал жёстче. — Что ты сделала?

— Ничего! — слишком быстро ответила я. — Эдвард, ничего плохого. Я клянусь. Просто... у подружки есть знакомые. Богатые люди. Им нужна была помощь. Я помогла. Мне заплатили. Всё.

— Помощь? Какая помощь?

— Эдвард, — я зажмурилась, чувствуя, как по щекам текут слёзы. — Пожалуйста. Ты умираешь. Я не могу это слышать. Я не могу потерять тебя. Возьми деньги. Купи лекарства. Выздоровливай. И мы встретимся. Ты обещал.

Он молчал так долго, что я подумала — связь оборвалась.

— Я люблю тебя, — сказал он наконец. Шёпотом. — Ты самая лучшая девушка на свете, Кэтрин Данс. Ты слишком хороша для меня.

— Не говори так, — я вытерла слёзы тыльной стороной ладони. — Ты тоже лучший. И ты поправишься. Я верю в это.

— Пришли деньги, — сказал он. — Я поговорю с врачом завтра утром. Кэт... ты уверена? Это всё легально?

— Уверена, — соврала я. — Всё чисто. Не волнуйся. Я не могла сказать ему правду. Что я влезла в дела бандитов. Что какой-то мужчина с чёрными глазами угрожал мне пистолетом. Что я, возможно, только что продала душу, сама того не поняв.

Эдвард никогда бы этого не принял. Он запретил бы мне. И умер бы.

Я не могла этого допустить.

— Я переведу завтра, — сказала я. — Первым делом.

— Кэт, — голос его стал мягче, почти спокойным. — Ты самое дорогое, что у меня есть. Ты знаешь это?

— Знаю, — прошептала я. — И ты у меня тоже.

— Ложись спать, любимая. У тебя тяжёлая работа.

— Да, — я усмехнулась сквозь слёзы. — Ты даже не представляешь, какая.

— Спокойной ночи, Кэтрин.

— Спокойной ночи, Эдвард.

Я положила трубку и долго смотрела на потолок.

Ланселот запрыгнул ко мне на колени, свернулся клубком и заурчал. Я гладила его, смотрела в стену и думала о том, что только что соврала человеку, которого люблю.

Но это ради его жизни. Ради нас.

Я перевела деньги через приложение. Попросила Дженнифер скинуть мне на карту, а сама отдам ей наличные. Десять тысяч долларов ушли со счёта, оставив после себя пустоту и лёгкое чувство паники.

Что я наделала?

Я легла в кровать. Свет выключила. Но глаза не закрывались.

Передо мной стояло лицо Меркурио Родригеса.

Красивое. Опасное. С чёрными глазами, которые на секунду стали красными.

Показалось. Конечно, показалось.

Но даже сквозь сон — тяжёлый, липкий, полный кошмаров — я чувствовала на себе его взгляд.

Цезарь.

Клеопатра.

В субботу в 18:00.

Улица перед кафе «Morning Glory Diner»**5 июня 2025 года, 8:45.**

Меркурио Родригес вышел из кафе и не спеша — слишком не спеша — пересёк улицу. Каждый шаг давался ему с трудом. Не потому, что он устал. Потому что каждая клетка его тела кричала: *вернись, возьми её, выпей до дна, убей, если понадобится, но насыться.*

Он сел в чёрный «Мерседес» и сжал руль так, что побелели костяшки.

Мир поплыл перед глазами. Красными пятнами.

Его трясло.

Он не ел уже три дня.

Три дня — это много. Слишком много для такого, как он.

После изменений законов в Цитадели нельзя было питаться где попало и кем попало. Синтетическая кровь не давала насыщения — только тупую, ноющую головную боль и слабость. Животные — тоже. Как пить через марлю: вроде что-то попадает, а толку ноль.

Рафаэль придумал клуб. Гениальный план — место, где жертвы приходят сами. Где можно пить, не боясь последствий. Где память стирается лёгким внушением или специальным составом в вине.

Анонимность. Маски. Запахи.

И духи с каплей крови владельца — чтобы никто не посмел прикоснуться к чужой собственности.

Меркурио провёл рукой по лицу. Пальцы дрожали.

— Да что со мной? — прошептал он.

Когти вонзились в кожаную обивку руля, прорывая её, как бумагу. Он посмотрел на свои руки — пальцы стали длиннее, ногти почернели и заострились. Он почувствовал, как дёсны наливаются тяжестью, как клыки выдвигаются из нёба — острые, голодные, жаждущие тёплого.

Брызни кровь. Нужна хоть капля.

Он ударил кулаком по панели — пластик треснул. Боль отрезвила. Только на секунду. Но этого хватило, чтобы взять себя в руки.

Дыши. Медленно. Успокойся.

Он закрыл глаза и сосредоточился на дыхании. Тошнотворная волна голода отступила, оставив после себя пульсирующую головную боль.

Он поднял глаза — они всё ещё горели красным, но уже не так ярко.

— Почему такая реакция? — спросил он пустой салон. — Эта девчонка... она мне нравится. Слишком нравится.

Что в ней особенного?

Блондинка. Голубые глаза. Длинные волосы. Испуганная, но не сломленная. Он чувствовал её страх — сладкий, пряный, дурмнящий. Но страх был не главным. Главное — другое. Её кровь.

Когда он стоял рядом, когда наклонялся, когда вдыхал её запах... его тело реагировало так, как не реагировало ни на одну жертву за последние сто лет.

А ведь он пил кровь многих. Красивых. Молодых. Пугливых. И ни одна не заставляла его терять контроль.

— У неё есть парень, — пробормотал он, и в голосе проскрежетала сталь. — Надо узнать о нём всё. И избавиться.

Он не знал, что значит «избавиться». Убить? Запугать? Заставить исчезнуть? Ему было всё равно. Эта девушка — Клеопатра — не должна принадлежать никому, кроме него.

Он медленно выдохнул. Когти втянулись. Клыки спрятались. Глаза снова стали чёрными — обычными, человеческими.

Он включил зажигание.

— Ну ладно, Клеопатра, — сказал он вслух, и на его губах появилась та самая улыбка — одним уголком рта, надменная, опасная. — Увидимся в субботу, в 18:00.

«Мерседес» мягко тронулся с места. Он не поехал за Кетрин — незачем. Он и так знал, где она живёт. Он поедет в отель. К боссу. Докладывать.

Но в голове уже созрел план: проверить парня, найти его слабое место, вырезать из жизни Кэтрин раз и навсегда.

Она даже не узнает, что он это сделал.

Или узнает. Это не важно.

Главное, чтобы она была рядом.

****Отель «The Royal Palms», номер 815****

****6 июня 2025 года, 2:00****

Меркурио вошёл в номер, не стуча. Рафаэль Дюран сидел в том же кресле, у камина, с бокалом бренди. Пламя отражалось в его глазах, делая их похожими на раскалённые угли.

— Докладывай, — сказал босс, не поднимая головы.

— Всё выполнено, — Меркурио сел напротив. — Посылка передана. Пароль подтверждён. Девчонка взяла бейдж и духи. Работает в субботу.

— Она согласилась?

— Не то чтобы у неё был выбор, — усмехнулся Меркурио.

Рафаэль поднял на него глаза.

— Что с тобой? Ты выглядишь... неважно.

— Голод, — коротко ответил Меркурио. — Три дня. Синтетика не работает. Животные — тоже. Я еле сдержался в кафе.

— Эта девчонка? — Рафаэль прищурился.

— Да. — Меркурио провёл рукой по лицу. — Её запах... её кровь... Я никогда такого не чувствовал. Она словно... создана для нас.

Рафаэль молчал несколько секунд, разглядывая своего помощника. Потом медленно улыбнулся — той улыбкой, которая не предвещала ничего хорошего.

— Будь осторожен, Меркурио. Страсть к еде делает нас слабыми. А слабость — это смерть.

— Я знаю, босс, — Меркурио встал. — Я справлюсь.

— Иди в душ, — кивнул Рафаэль в сторону спальни. — Отдохни. Завтра будет много работы.

Меркурио кивнул и ушёл в смежную комнату.

****Номер 815, ванная комната****

Он снял чёрную водолазку через голову и встал перед зеркалом.

На него смотрел мужчина с идеальным телом — широкие плечи, узкие бёдра, каждая мышца прорисована, как у античной статуи. Но это тело не было человеческим. На спине, от шеи до поясницы, тянулась татуировка — огромный дракон, обвивающий меч. Чёрные и красные чернила, сложный узор, который двигался, когда Меркурио напрягал мышцы. На правом плече — ворон с раскрытыми крыльями. На левом — руна, такая же, как на запястье. Древняя.

Запретная. Он провёл пальцами по татуировке на плече и закрыл глаза. — Ты ещё не знаешь, Клеопатра, — прошептал он, открывая кран с ледяной водой. — Но ты моя. Он встал под душ, и вода потекла по его телу, смывая напряжение и городскую пыль. Но не смывая образ девушки с голубыми глазами, которая смотрела на него со страхом и... чем-то ещё. Любопытством. Он улыбнулся. — До субботы, — сказал он, и голос его утонул в шуме воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.